

Василий Антонович Ханевич

Томск

**Ссылные поляки в Томской губернии в документах римско-католической
церкви, выявленные в местных архивах**

История появления в сибирском городе Томске первых поляков относится к началу XVII века – времени основания в 1604 году томского острога и города, ставшего одним из важных форпостов освоения и колонизации Сибири служилыми людьми и казаками, в составе которых изначально присутствовали т.н. казаки «литовского списка»- выходцы из территорий Речи Посполитой, католики по вероисповеданию, оказавшиеся в Сибири в качестве военнопленных или же добровольно перешедшие на службу к русскому царю. XVIII век был отмечен ссылкой в Сибирь, в том числе и в Томск барских конфедератов, участников восстания Костюшко и других ссылных. Благодаря указу Павла I от 1796 года, а затем – Александра I от 1801 года часть из них смогла вернуться на родину, другие остались здесь добровольно, и следы их пребывания встречали последующие изгнанники.

Таким образом, на протяжении двух веков Сибирь периодически пополнялась значительным контингентом католиков из числа военнопленных и ссылных поляков, которые в тоже время из-за отсутствия здесь официально назначенных российским правительством католических священников, призванных окормлять находящихся здесь лиц католического вероисповедания, здесь долгое время не было официально признанных католических общин. Официальное их оформление в Сибири стало возможным только с высочайшего монаршего соизволения в начале XIX века, 10 декабря 1806 года. В 1812 году члены миссии иезуитов прибыли в Иркутск, а 1816 году в Томск, основав здесь католический приход, второй после иркутского. Именно с этого момента начинает формироваться и откладываться в местных и центральных учреждениях комплекс архивных документов, непосредственно связанных со становлением и жизнью в Сибири католических структур, деятельностью здесь первых католических священников и их паствы.

История Томской католической общины, первой в Западной Сибири показательна и имеет большое значение в плане рассмотрения многих аспектов истории, как самого города Томска, так и истории сибирско - польских контактов, оказывавших огромное влияние на всю жизнь католической общины. Одним словом, история католической общины Томска представляет собой интересный пласт для изучения не только с точки зрения собственной истории католицизма в Сибири, но и истории пребывания в Западной Сибири поляков.

Территориальные границы Томской католической общины в разные моменты её истории были различны, охватывая в начале XIX века практически территорию всей Западной Сибири и Казахстана, а в начале XX века томский деканат среди других сибирских католических структур был самым многочисленным.

Отсюда можно сделать вывод о том, что практически во всех документах, отражающих историю и жизнь Томской католической общины – речь идет о не просто о католическом храме, а «Польском костеле», о жизни католической общины, членами которой в подавляющем случае были поляки: политические и уголовные ссыльные, служащие, чиновники, крестьяне, польские переселенцы... Поэтому практически любой документ о р-к церкви в Западной Сибири в XIX веке – это документ и поляках.

Возникает закономерный вопрос: каков объем и характер документов, отражающий, в частности, историю Томской католической общины отложился в архивах? Результаты исследований показывают, что достаточно большой по объему и разнообразный по своему содержанию, хотя в тоже время пока не удалось в местных и центральных архивах обнаружить наличие специального архивного фонда Томского костела (католической общины) периода второй половины XIX - начала XX века. (К примеру – архивный фонд Иркутского костела этого периода сохранился).

Важным является то, что в Государственном архиве Томской области сохранились метрические книги Томской католической церкви за 1841– 1919 гг., дающие возможность не только проследить интенсивность религиозной жизни за указанный период, но и проанализировать национальные, социальные, возрастные и другие характеристики членов прихода, установить персональный состав томской католической общины за продолжительный период её истории. Наличие коллекции этих книг позволило на их основе подготовить и издать в 2001 году «Католический некрополь города Томска. 1841-1919 гг.»¹, содержащий персональную информацию почти на 5 тысяч лиц католического вероисповедания, похороненных на католическом кладбище города Томска. ² Необходимо подчеркнуть, что в подавляющем случае речь идет не просто о католиках, а о католиках – поляках. Долгое время томский католический храм и католическое кладбище местные жители называли не иначе как Польский костел и Польское кладбище.

В ходе изучения местных региональных архивов и в первую очередь Томского госархива (ГАТО) удалось выявить значительный объем отдельных архивных документов, позволивших достаточно подробно рассмотреть отдельные наиболее важные и значительные периоды истории Томской католической общины, иллюстрирующие также и историю пребывания здесь поляков. Часть этих архивных документов вошли в издание «Католический костел в Западной Сибири в XIX и начале XX века. Исторические очерки, материалы, документы».³

Если рассматривать выявленные в ГАТО материалы о римско-католической церкви в Томске в хронологическом плане, то следует указать в первую очередь на комплекс документов, иллюстрирующих пребывание здесь миссии иезуитов и удаление их сначала

1 Католический некрополь города Томска. 1841-1919. Томск, 2001 г.

2 Дальнейшие поиски метрических книг католической общины Томска ранее 1841 года уже после выхода данного издания были обнаружены в государственном архиве республики Беларусь.

3 Kościół katolicki na Syberii Zachodniej w XIX i początkach XX wieku (szkice historyczne, materiały, dokumenty), Kielce 2017.

в 1815 году из Санкт-Петербурга, а затем полное изгнание из России в 1820 году. В частности, выявлена копия Указа императора от 1815 года Правительствующему Сенату о высылке из Санкт-Петербурга монахов иезуитов вместе с документами переписки чиновников сибирской администрации по исполнению данного указа в Сибири. Для нас представляет интерес список католиков томской общины, кому персонально под расписку был зачитан этот Указ императора.⁴ В документе приводится список лиц численностью в 11 человек, что дает основание подвергнуть сомнению приводимую в переписке иезуитами информацию «значительном количестве» католиков, находящихся в этот период в губернском Томске. В тоже время данный документ позволил определить персональный состав католиков, входивших в состав католической общины в Томске, а в отношении двух из них: Мариана Вонсовича и Станислава Слатовского проследить их дальнейшую судьбу. Имя первого из них будет обнаружено нами в архивных документах 1834 года – доносе местного чиновника как на одного из организаторов якобы затеваемого в Томске поляками мятежа. Второй долгое время служил в Томске мелким чиновником, а его сын, Лаврентий Станиславович Слатовский уже значился как православный и в 1874-1877 годы являлся томским полицмейстером.⁵

Изгнанных в 1820 году из Томска монахов - иезуитов сменили монахи – бернандины, прослужившие здесь до 1835 года. Об их жизни и деятельности в Западно-Сибирском регионе в местном томском архиве отложился по сравнению с их предшественниками более значительный по объему и тематическому содержанию архивный материал. Данные документы характеризуют взаимоотношения монахов – бернандинов с городской администрацией и губернскими властями, главным образом по отстаиванию своих прав проживать в занимаемых помещениях для жилья и для обустроенной католической каплицы на тех же условиях, что были у их предшественников иезуитов. Важен выявленный комплекс документов, дающий возможность достаточно подробно проследить деятельность в Томске монаха – бернандина Ремигия Апанасевича по реализации планов строительства в данном губернском городе собственного католического храма, строительство которого было осуществлено в 1833 году, причем не из дерева, как предполагалось изначально, а из кирпича, ставшего таким образом первым каменным католическим храмом за Уралом.

Анализ этих документов характеризует Ремигия Апанасевича как очень деятельного администратора томской католической общины, способного заинтересовать ссыльного в Тобольск польского магната Петра Мошиньского пожертвовать сумму в 2 тысячи рублей на строительство в Томске католического храма, а затем отстаивать интересы общины перед местными городскими чиновниками, которые изначально были категорически против выделения места под строительство католического храма в исторической части города на Воскресенской горе, месте основания города в 1604 году. В конечном итоге на строительство храма было получено высочайшее монаршее разрешение и костел был построен там, где настаивал Ремигий Апанасевич и освящен им 1 октября 1833 года.

4 ГАТО. Ф.1.Оп.1.Д.284.Л.5 и об.

5 Поляки в Томске. 19-20 вв. Биографии. С. 529-531.

Также выявленные в ГАТО архивные документы позволили проследить дальнейшую судьбу устроителя первого за Уралом храма, курата томской католической общины Апанасевича и его помощника Дионисия Милевского. Оба они в 1835 году из-за наветов и доносов томского городничего были выдворены из Томска несмотря на то, что в ходе разбирательства донос не подтвердился и о нелепости обвинений в отношении монахов писал томскому губернатору сам министр внутренних дел.

Выявленные в архиве Томской области документы позволили развенчать ряд устоявшихся мифов о некоторых сторонах жизни томских католиков, истории строительства костела и костельных каменных ворот – звонницы. Например, в краеведческой литературе о Томске неоднократно упоминается, что автором проекта костельных ворот храмового здания, служивших одновременно и колокольной был в 1856 году не кто иной, как ссыльный в Томск декабрист Гавриил Батеньков. Обнаруженные же нами в архиве документы говорят, что автором проекта и строителем данного архитектурного сооружения «по примеру Римско-Католических колоколен существующих в Западных губерниях России» был Владислав Константинович Фадеев (1822- после 1862) – инженер-подпоручик, архитектор Томской строительной комиссии (1850- нач. 1860-х), и.о. Томского городского архитектора (1861-1862?).⁶

Важным комплексом документов, на наш взгляд, являются документы, характеризующие пребывание в Томской ссылке в середине XIX века (1856 г.) ссыльных ксендзов. Их было в этот период в Томской губернии 5 человек, сосланных в Томскую губернию из Царства Польского еще в 1830-е годы за связь с тайными революционными обществами. В 1856 году после выхода царского указа о возможности возвращения на родину ссыльных из Царства Польского лиц духовного звания все они неоднократно подавали прошения о возвращении на родину, но только один из них смог возвратиться на родину, остальные умерли в ссылке, так и не получив долгожданной свободы.

Важнейшим комплексом выявленных архивных документов являются те из них, которые относятся хронологически к 1860-1870 годам и посвящены самым разным вопросам пребывания в Западной Сибири участников Январского восстания 1863-1864 годов. Довольно значительная часть этих документов посвящена вопросам, касающимся возможности ссыльным католикам, участникам восстания ощущать себя и в ссылке католиками, иметь возможность совершать важные для них религиозные обряды, иметь возможность исповеди и других религиозных треб. Массовый характер польской ссылки после восстания, а также идущий в это же время довольно активно процесс колонизации сибирского региона царской администрацией привели к тому, что Сибирь стала местом сосредоточения значительного контингента людей, исповедовавших католицизм, на что центральные и местные власти не могли не реагировать. В данной ситуации уже нельзя было обойти вниманием религиозную проблему, поскольку именно вера отцов более всего объединяла поляков между собой независимо от их положения, социального

6 ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1231. Л. 7.

статуса и условий жизни. Выявленные документы характеризуют как эта проблема разрешалась на местах.

Важнейшими, на наш взгляд, являются документы, характеризующие нахождение в Сибирской ссылке лиц римско-католического духовного звания, которое приняло самое деятельное участие в восстании 1863-64 гг. и было второй после шляхты движущей силой и опорой национального сопротивления.⁷ Обвинения в отношении католического духовенства были во многом стандартны и сводились в разных вариантах к таким пунктам как «содействие участникам мятежа», «возбуждение крестьян к мятежу», «проведение проповедей патриотического содержания и чтение с амвона повстанческих материалов», «допущение в костеле пения революционных гимнов и не произнесение в течение некоторого времени молитв за государя императора», «участие в мятеже, выраженное встречей шайки мятежников с хоругвями и служения для них молебствия», «противодействие распоряжениям начальства относительно процессий и крестных ходов», «принятие к присяге лиц, желавших вступить в состав революционной полиции». Зачастую ссылали по голословному обвинению в политической неблагонадежности, «вредности пребывания в здешнем крае», «за распространение в народе ложных слухов...», «за недонесение...». Были пункты обвинения и чисто религиозного характера, как, например, отказ в исповеди человеку, выдавшему восставших, «унизительные отзывы о лицах, принимающих православие» или же за «явное стремление удержать в католицизме крестьян, изъявивших добровольное желание принять православие».

На основе изучения и систематизации архивных материалов нам удалось установить, что в Томской губернии в 60–80-е гг. XIX в. в положении ссыльных находилось 79 духовных лиц римско-католического вероисповедания: приходские ксендзы, монахи нескольких католических орденов и одна монахиня-настоятельница женского монастыря.⁸ Из них 34 человека были отправлены в ссылку без лишения прав состояния и духовного сана, 18 человек – с лишением прав состояния и сана священника, в отношении 29 человек не содержится сведений о том, с какой степенью наказания была применена к ним ссылка. Удалось проследить дальнейшую судьбу некоторой части ссыльного римско-католического духовенства, находившегося здесь на жительство. Установлено, что 20 человек впоследствии смогли выехать в центральные губернии России или же вернуться на родину, 28 человек умерли в ссылке, судьба 33 священников осталась неизвестна.

Выявленные архивные документы позволяют проследить жизнь в ссылке, поведение и род занятий ссыльных ксендзов, их взаимоотношения со своими ссыльными соотечественниками, местным православным населением, местными чиновниками. Интересные упоминания о ссыльных представителях духовенства содержатся в воспоминаниях ссыльного российского публициста и социолога Василия (Вильгельма)

⁷ Каппелер А. Россия - многонациональная империя. М., 2000. С.188.

⁸ *Kościół katolicki na Syberii Zachodniej w XIX i początkach XX wieku (szkice historyczne, materiały, dokumenty)*, Kielce 2017. Часть III, приложение № 3 (Биографические сведения о лицах духовного звания римско-католического вероисповедания, находившихся со второй половины XIX века в ссылке на территории Томской губернии).

Берви - Флеровского, находившегося в Кузнецке в 60-х гг. XIX в. Он отмечал, что ксендзы «отличались способностью к тому роду самоотвержения, которое прививается католическому духовенству его аскетическим воспитанием. Это помогало им переносить свою судьбу с большей стойкостью и с большим достоинством.., ни от одного из них я не слышал малодушного уверения, что он был против восстания...»⁹.

Следует отметить, что материальное положение большинства ксендзов в ссылке, как, впрочем, и всей остальной массы ссыльных, было достаточно сложным и зависело от помощи родных и близких с родины и от пособий казны, назначаемых по прошению. И это обстоятельство находит свое отражение в выявленных архивных документах. Ссыльные священники писали прошения о назначении пособия «по бедности своего существования», но в тоже время в местных архивах отложился значительный комплекс документов, когда ссыльные ксендзы не лишенные духовного сана обращались с просьбами дозволить им совершать для своих соотечественников духовные требы или даже разрешить устраивать у себя на квартире домашние каплицы. Интересна реакция на эти обращения местных чиновников, а также губернской администрации и МВД. Следует отметить, что в первые годы массовой ссылки поляков, в 1864-65 годы местные власти не предпринимали каких-либо мер, запрещающих священникам исполнять требы в среде самих ссыльных. Благодаря настойчивому ходатайству томского курата Иосифа Энгельгарта, часть ссыльных католических священников получила официальную возможность в местах своего жительства устраивать на своих квартирах временные каплицы и совершать в них богослужения, духовно опекать живущих рядом единомыслителей. Подобные богослужения проходили в Колывани, Бийске, Кузнецке и Мариинске. Отсутствие четких конкретных предписаний из центра на предмет правил поведения в сибирских губерниях ссыльных ксендзов, неточность и противоречивость указаний губернских властей позволяло и местным властям сквозь пальцы смотреть на богослужения, которые зачастую проводились полутайно ссыльными ксендзами не только в уездных городах, но и в сельской местности. Однако продолжались эти вольности только до середины 1867 года, пока 25 мая 1867 г. новый городничий Колывани не обратился к губернатору с рапортом, в котором обратил внимание начальства на то, что во вверенной ему территории по представлению бывшего городничего католика Борейши и с согласия бывшего томского губернатора Лерхе нарушается § 19 инструкции для надзора за политическими ссыльными, которая прямо запрещает ссыльным ксендзам даже не лишенным духовного сана совершать духовные требы, тогда как ссыльный ксендз Николай Сволкен проводит не только в Колывани, но и в близлежащих селениях их проводит. Городничий указал, что данное разногласие между буквой Инструкции и реальной практикой ввело его «в крайнее недоумение», и он просит дать ему четкие инструкции: разрешать или запретить ссыльному ксендзу Сволкену проводить религиозные службы. Выявленные архивные документы показывают, что данному рапорту ретивого городничего был дан ход и дальнейшими распоряжениями генерал-губернатора Хрущева было запрещено даже не лишенным духовного сана

9 Берви В.В. Воспоминания. С. 118.

ссылным священникам вести религиозную деятельность, запрещалось даже использование титула «ксендз». И это тогда, когда одной из проблем существования в Сибири римско-католических приходов являлась острая нехватка духовенства. Оказавшимся в сибирской ссылке католическим священникам запрещалась любая религиозная, не говоря уже о миссионерской деятельности. Архивные документы свидетельствуют о том, что запреты ссылным ксендзам совершать объезды селений в округах губернии для совершения духовного окормления своих соотечественников-поляков продолжались еще достаточно долго, вплоть до освобождения их от надзора полиции с дозволением «жить повсеместно». Томский курат Захаревич в этом деле мог рассчитывать только на своего помощника, викарного священника Валериана Громадского, присланного в Томск в 1869 году из Омска, в прошлом такого же политического ссылного.

Таким образом, говоря о состоянии католической церкви на томской земле с середины 60-х гг. по 80-е гг. XIX в. можно констатировать, что это был период массового пребывания здесь не только политических ссылных лиц римо-католического вероисповедания, но также достаточно большого количества лиц духовного звания римско-католической церкви, таких же политических ссылных. Совместное проживание в местах изгнания давало им возможность взаимно чувствовать и вести себя в Сибири «почти как на родине». В тоже время изучение выявленных документов, касающиеся положения священников, сосланных в Западную Сибирь, дают основание некоторым исследователям данной темы считать, что их судьба была более трудная, чем у тех, кто был сослан в знаменитую Тунку (Восточная Сибирь).¹⁰

Обнаружен в архиве также целый комплекс документов, характеризующих поведение и род занятий в ссылке в городе Томске католических священников Иосифа Давидовича и Викентия Улинского, обвиненных в противоправных действиях и высланных за это из губернского города дальше в уездные города. Ксендз из Ковенской губернии, бывший настоятель Борнянской р-к семинарии Иосиф Давидович был обвинен в том, что учредил в Томске тайную польскую школу и учил в ней детей ссылных поляков. Ссылный ксендз из Новоалександровского уезда Ковенской губернии Викентий Улинский был обвинен в том, что вопреки запретам совершал богослужения, доказательством чего явилось найденное при обыске в квартире ксендзов священническое одеяние и предметы для совершения литургии. За эти преступления они были сосланы из губернского Томска в уездные города Каинск и Мариинск. Впоследствии получили возможность вернуться на родину, ксендз Давидович оставил интересные воспоминания о своем пребывании в ссылке (изданы в Кракове в 1901 г.).

Выявленные архивные документы, дающие возможность характеризовать жизнь и поведение духовных лиц католического вероисповедания, оказавшиеся в ссылке в это время на территории Томской губернии показывают, что практически все они сохранили не только приверженность своему исповеданию, но, несмотря на выпавшие невзгоды

10 См.: E. Niebelski. *Syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku*. Wrocław 2011.

и испытания, вели себя мужественно и самоотверженно, по мере возможности занимались просветительской деятельностью среди населения. По словам Бронислава Пилсудского, «если им это было позволено, они исполняли свои обязанности с достоинством и подлинной священнической самоотверженностью. Но, даже лишенными прав, среди верующих товарищей-ссыльных они были признаны духовными руководителями, которые несли невыразимое облегчение своей добродетелью и моральной деятельностью»¹¹.

Важную часть в комплексе выявленных архивных документов представляют собой материалы, характеризующие ссыльного еще в 1861 году в Омск ксендза Валериана Громадского, личность легендарную в истории католической церкви в Западной Сибири. В общей сложности в Сибири он пробыл 30 лет, являлся инициатором возведения храма в Омске, затем в Томске долгие годы служил в качестве викарного священника, а затем томского курата. С его именем связана жизнь общины вплоть до 1900 года. Ему и его деятельности посвящено целый ряд публикаций и исследований.

Важную часть выявленных архивных документов составляют архивные материалы, характеризующие во второй половине XIX – начале XX на территории Западной Сибири, территории томской католической общины тему церковного строительства и связанных с этим противоречий и проблем. С одной стороны, на основании выявленных документов можно отметить огромное желание ссыльных поляков во второй половине XIX века, а позднее в начале XX века уже добровольными переселенцами построить в месте своего проживания если не костел, то, по крайней мере, небольшую каплицу. А с другой стороны – явное нежелание властей, опасаясь роста католического влияния в регионе, содействовать этому строительству.

В тоже время интересен комплекс выявленных документов повествующий о том, как в 1915 году ссыльный в Нарымский край польский литератор и в прошлом религиозный паломник по святым местам некто Адам Козярский обращался к губернским и российским властям с инициативой постройки в Нарымском крае для ссыльных поляков одновременно двух костелов или же каплиц на средства, которые он предлагал собрать от демонстрации по всей губернии «живых картин» с изображением святых мест¹². Удивительно, но, несмотря на авантюрный характер предложенного им способа сбора денег на строительство каплиц его предложение серьезно рассматривалось в разных инстанциях и даже получило одобрение. Дальнейшие события показали, что этот план так и не был реализован.

Период от 1905 до 1917 г. характеризовался активным переселением в Сибирь, в том числе в Томскую губернию уже не ссыльных, а крестьян из малоземельных губерний европейской части Российской империи и этот процесс в отличие от предыдущего периода сопровождался настоящим бумом в строительстве на территории губернии целого ряда католических церквей, часовен, молитвенных домов. Об этом

11 Пилсудский Б. *Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. С.24.*

12 ГАТО.Ф.3.Оп.77.Д.1252.

свидетельствуют выявленные документы: переписка и рапорты томского курата, настоятеля Томской католической общины, а с 1909 года декана Томского деканата Иосифа Демикиса в разные инстанции по вопросам церковного строительства. Из этих документов удалось установить, что к 1917 году в Томском деканате числилось уже 24 церкви, часовни и дома молитвы, разделенные на 11 самостоятельных приходов.

Выявленные в местных архивах статистические данные свидетельствуют также о значительном количественном росте в данный период католиков в Сибири, в том числе и в Томской губернии. Если в конце XIX века, как показывают данные Первой Российской переписи населения 1897 года, на территории Томской губернии проживало 8973 католика, то в последующие 15-20 лет их численность многократно выросла. Так, в 1909 г. в городах и селах губернии их было уже почти 36 тыс. человек, через год, в 1910 г. – более 41 тыс. чел.; в 1912 г. – 43 500 чел., а в 1913 г. – 52 тыс. человек, что в среднем составляло от 1,07 до 1,35 % населения губернии¹³.

Следует отметить, что рост численности сибирских католиков в указанный период сопровождался также изменениями в их сословном, социальном и национальном составе. Если в конце XIX века среди них все ещё преобладали политические ссыльные поляки и их потомки, то в последующие 15 лет основную массу мигрантов в Сибирь стали давать экономические добровольные переселенцы, среди которых были уже не только поляки, но и представители других народов с территорий Западных губерний российской империи, вынужденно или добровольно связавшие свою дальнейшую судьбу с Сибирью.

13 Обзор Томской губернии за 1909 г. Томск, 1910. Ведомость №2; Указ. соч. за 1910 г. Томск, 1911. Ведомость №2; Указан. соч. за 1912 г. Томск, 1913. Ведомость № 2; Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910.С. 308; Указ. соч. на 1911 г. Томск, 1911. С.223; Указ. соч. на 1912 г. Томск, 1912.С.184. Указ. Соч. на 1913 г. Томск, 1913.С.187.

